

ПОСЛЕ ВИЗИТА В ПРИБАЛТИКУ ВЫЯСНИЛОСЬ И ПОЛНОЕ АМУРНОЕ АЛИБИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

Царская поездка в Остзейский край заканчивалась весело и приятно — флотскими маневрами и изысканными банкетами. Оставалось, правда, одно незавершенное мероприятие — посещение славной Риги, на красоту которой Елизавета Петровна давно хотела посмотреть острым монаршим взглядом. Однако в последний момент государыня отменила лифляндский маршрут и, не объясняясь со свитой, изволила развлекаться в окрестностях Ревеля, устраивая там звериные ловли и прогулки на лошадях.

Так беспомощно грудь холодела, но шаги мои были легки...

НЕ ДАЙ МНЕ БОГ СОЙТИ С УМА...

О подлинных причинах внезапной болезни не знал никто, в том числе ближайшие вельможи и доверенные статс-дамы. Но — закон! — нет ничего тайного, что рано или поздно не стало бы явным. На сей раз ждать пришлось очень долго, и лишь годы спустя, уже взойдя на императорский престол, повзрослевшая Фике провела удивительный секрет несостоявшегося прибалтийского путешествия. Новая, молодая монархиня имела укорененную с детства привычку — не залеживаться в постели, а вставать на заре, около шести часов утра, и сразу, до завтрака, рыться в пыльных сундуках, где хранились забытые, полусъеденные мышами бумаги.

Однажды Екатерина наткнулась на старательно, чуть не каллиграфически выведенные немецкие строки. То было желтое письмо какого-то провинциального лютеранского пастора: сей святой отец, страдавший очевидными признаками тихого помешательства, заклинал Елизавету Петровну не посещать Ригу, где снуют злые агенты, которые подосланы враждебными иностранными правительствами, дабы убить русскую самодержицу.

Свихнувшийся проповедник не мог, разумеется, вручить свои бредни непосредственно высокому адресату. Но он преодолел это житейское препятствие не мудрствуя лукаво: при проезде через Ригу возвращавшегося из Европы камергера Чоглокова клирик отдал ему заветный конверт, а исполнительный Николай Наумович, явившись на север, в Эстляндию, почел за благо проинформировать матушку-государыню. Елизавета Петровна встревожилась и засомневалась в необходимости рижского вояжа...

Впрочем, как водится, законные власти не обошли трогательным и радушным вниманием и самого осведомителя. Его доставили в местную крепость Динамонде (где когда-то находилось под замком свергнутое Брауншвейгское семейство — Анна Леопольдовна, Антон Ульрих и их малолетние дети, включая крошечного императора Ивана VI) и неторопливо расследовали скандальное дело. Общим решением крепких парней из Тайной канцелярии (тогдашней ФСБ) и многоопытных эскулапов бедного пастора признали не подлежащим лечению умалишенным, вслед за чем отпустили восвояси, на все

четыре стороны. Террористический заговор — отечественный ли, заграничный ли, смешанного ли типа — обнаружен не был. Тем не менее суеверная монархиня не желала искушать судьбу.

Я УЖЕ ЗАБОЛЕВАЮ ЛЕТОМ, ЕЛЕ ВЫЗДОРОВЕВ ОТ ЗИМЫ...

Душевные томления боязливой повелительницы станут известны Фике лишь после того, как она наденет корону на собственную голову. Но пока о венце не приходилось даже мечтать, и юная супруга престолонаследника знала и понимала не больше питавшегося слухами и домыслами вельможного люда. А на обратном пути к неским берегам Катя к тому же расхворалась — сперва зашалили нервы и измучила ипохондрия, а затем, под Нарвой, где стояла сырая и дождливая погода, резко покраснело горло и добавилась сильнейшая лихорадка, от которой буквально трясло все тело.

Придворный врач Герман Бургав (точнее, Бургав-Каау) не на шутку опасался, что у Екатерины разовьется чахотка. Страх эти возникли не вчера, а пару лет назад, весной 1744-го, когда померанская гостья принцесса София Фредерика, обожавшая прыгать босиком на пол и зубрить в подобной «позитуре» русские азбуки, подхватила тяжелый, затяжной плевроит. Но волнения ученого мужа, слава богу, не оправдались. Впоследствии сама Фике благодарил небеса за сие несказанное

«Где месяц осребрил угрюмые
твердыни над спящею водой...».
Старая Нарва, чей климат
отрицательно повлиял
на жену престолонаследника.

«Не трудно акафистов
легких чтение...».
Симеон Тодорский,
епископ Псковский —
духовный отец
великокняжеской семьи.

милосердие. Поразительно, признавалась она в мемуарах, что удалось избежать губительной чахотки. Ведь в течение добрых восемнадцати лет текла жизнь, от коей «десяток иных могли бы повредить рассудок, а двадцать на моем месте умерли бы с горя».

Екатерина не уклонялась от советов доктора Бургава, искренне считая его человеком выдающихся способностей, умевшим тщательно, сосредоточенно осмотреть пациента, поставить диагноз и прописать микстуры и процедуры. Племянник знаменитого на всю Европу голландского терапевта Германа Бургава и одновременно его приемный сын (бездетный мэтр усыновил ребенка своей любимой сестры Маргариты, сочетавшейся браком с гаагским целителем Якобом Каау), он приехал в Россию по рекомендации лейб-медика Антона Санхеса — маститого португальца, служившего еще Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне.

Отменные познания, тончайшее профессиональное чутье и громкое имя дяди-отца позволили 35-летнему специалисту стремительно, без препон, взлететь по карьерной лестнице на самый верх. С особой яркостью звезда его засверкала при пышном дворе Елизаветы Петровны. На архивных полках осели кипы спасительных предписаний, выручавших в трудные минуты беззаботную царственную сибиритку. Одно из них — Species pectorales Voerhaavii («грудной чай Бургава») — ушло из дворцов в хижины и по низкой цене, свободно, без рецепта, продавалось в народных аптеках на протяжении полутора столетий вплоть до горячих революционных времен. Могла ли Екатерина не довериться такому гиганту мысли?

«КАЙСЯ, КАЙСЯ», — СУРОВО ОТВЕТИЛ МОНАХ...

В Петербурге хворь отступила, и Фике почувствовала себя посвежевшей и почти здоровой. Но двор не задерживался в столице, а по жаркой летней поре подался к заливу, в Петергоф, причем августейшая фамилия заняла, как и год назад, незадолго до свадьбы Екатерины и Петра, коттедж Марли: Елизавета Петровна — верх-

ний этаж, а молодые — нижний. Там царевич — полутайком от строгой тетушки — тешился караульными забавами, муштруя своих кавалеров и слуг.

Позже, по разрешению Елизаветы, отлучившейся с Разумовским в село Гостилицы, рядом с Ораниенбаумом, великокняжеская чета перебралась прямо в Ораниенбаум — бывшее меншиковское имение, подаренное теперь императрицей ненаглядному племяннику. Здесь воинские «экзерции» расширились и умножились: под ружье встали все наличные мужские резервы. Екатерина же сутками скучала и грустила, либо коротая досуг в обществе заклятых друзей — Чоглоковых и Репниных — и трех фрейлин, либо охотясь на птиц, либо читая романы в своем будуаре...

В августе, по возвращении к петергофским фонтанам, супругов ждала любопытная весть: государыня повелела им готовиться к говению. Странность сего приказа настораживала: при дворе никогда не постились дважды в год, а Петр и Екатерина ограничивали себя в трапезе еще весной, на Пасхе. Но противиться не полагалось: юная пара педантично приходила к заутреням, выставляла всенощные и не пропускала обедни. В пятницу туман рассеялся: на исповеди прозвучали четкие, хорошо продуманные вопросы.

Преосвященный Симеон Тодорский, епископ Псковский (тот самый, что венчал царевича и Фике в Казанской церкви на Невском), подробно расспрашивал каждого из них — порознь, по отдельности! — об отношениях с камер-лакеями Чернышевыми, отосланными в полки под Оренбург. «Что произошло тогда, ваше высочество, в Летнем дворце?» — выпытывал он у Кати. — «Ничего, владыко, ровным счетом ничего!» — «Ну как же, вы целовали Андрея Чернышева!» — «Нет, не целовала!» — «Монархине доложили противоположное!» — «Это клевета, владыко, это подлая напраслина. Между нами не было никакой симпатии...» Епископ посмотрел на Екатерину и, едва ли сомневаясь в истинности ее слов, выдохнул и облегченно, и раздраженно: «Господи, какие злые люди! Лишь бы наговорить, облить грязью... Умоляю, будьте настороже и не подавайте впредь повода к пустым сплетням!»